

maestro
of detective

ЧИНГИЗ

Абдуллаев

ВОЛШЕБНЫЙ ДАР

Чингиз Акифович Абдуллаев

Волшебный дар

Серия «Дронго», книга 51

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168265

Чингиз Абдуллаев. Волшебный дар: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-37448-9

Аннотация

Известный эксперт-аналитик Дронго решил ненадолго забыть о своей опасной работе, передохнуть, полюбоваться прекрасными пейзажами далекой Португалии, взять в руки клюшку для гольфа... Не вышло. В отеле, где он поселился, «сильные мира сего» решили провести неофициальную встречу спонсоров строительства атомных станций в Европе. Саммит омрачило жуткое событие: в своем номере была застрелена жена одного из бизнесменов, участвующих во встрече. Дронго и его бывший наставник, в прошлом комиссар французской полиции, Дезире Брюлей собрали улики и определили десять подозреваемых. Однако самое плохое заключалось в том, что оба сыщика сошлись во мнении: главное преступление – еще впереди...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	31
Глава четвертая	51
Глава пятая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Волшебный дар

«Однако же, для того, чтобы люди могли придерживаться истины, им, видимо, следует для начала узнать, в чем состоят заблуждения. Узнать на собственном опыте. Не могу ответить на этот вопрос простым «да» или простым «нет», но верю в то, что познать заблуждения необходимо».

Жозе Сарамаго, «Воспоминание о монастыре»

Глава первая

Он стоял на холме, наблюдая за игрой. Каждое точное попадание сопровождалось одобрительным гулом зрителей. Игроки неторопливо выбирали клюшки для удара. Во время игры в гольф важно не только правильно рассчитать силу удара, но и выбрать нужную клюшку. Среди игроков выделялся один, коренастый мужчина среднего роста, с пышными темными усами. Несмотря на точность ударов, было заметно, как эмоционально он реагирует на удары своих соперников.

– Он все равно выиграет, – уверенно сказал по-английски незнакомый мужчина, остановившийся рядом с Дронго.

– Почему вы так уверены? – спросил Дронго, взглянув на неизвестного.

У него мясистое лицо, загнутые вверх брови, крупный нос. На голове почти не было волос, а поседевшие виски выдавали возраст незнакомца. На вид ему было лет пятьдесят. Дронго оценил красный пуловер незнакомца с небольшой акулой на груди и его мягкие прогулочные брюки. Очевидно, подошедший неплохо разбирался в игре.

– Он один из самых известных игроков в гольф, – пробормотал незнакомец, – и не только чемпион мира среди любителей, но и совладелец нашего отеля. Можно сказать, что он играет на своем поле, в гольфе этот термин особенно применим. Он знает здесь каждую кочку, каждый изгиб ландшафта. Мануэль Сильва, его портрет висит в холле нашего отеля. Когда будете проходить, обязательно обратите внимание. Хотя вы, кажется, приехали недавно?

– Только сегодня утром, – подтвердил Дронго, – я много слышал об этом отеле в Алворе. И вообще я раньше был в Алгарве только проездом. Это ведь один из лучших курортов в мире.

– Самый лучший. Здесь изумительное место, – восторженно сказал незнакомец. По-английски он говорил с довольно сильным русским акцентом. Дронго усмехнулся.

– Вы давно прилетели из Москвы? – спросил он.

– Откуда вы знаете, что я прилетел из Москвы? – изумился неизвестный. Разве раньше мы встречались с вами?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – ваш акцент сразу вас выдает. Я подумал, что вы приехали из Москвы.

– Вы не итальянец? – еще больше удивился его Собеседник. – А я решил, что вы либо испанец, либо итальянец. Если бы вы были португальцем, вы бы наверняка узнали Мануэля Сильву.

– Я тоже прилетел из Москвы, – ответил Дронго, – только проездом из Севильи.

– В таком случае давайте перейдем на русский язык, – предложил неизвестный, – Моя фамилия Сарычев. Николай Андреевич Сарычев. Я один из владельцев московского гольф-клуба «Титаник». Вы никогда не слышали о нашем гольф-клубе?

– Немного, – ответил Дронго, – а я Дронго. Меня обычно так называют.

– Неужели тот самый Дронго, – всплеснул руками Николай Андреевич, – знаменитый сыщик?

– Не знаю, насколько знаменитый, но точно не сыщик. Я всего лишь частный эксперт по вопросам преступности...

– Знаю, знаю, – перебил его Сарычев, – мне про вас столько рассказывал мой друг Эдик Халупович. У него были какие-то неприятности с женщинами, и вы ему очень помогли.

– Ничего себе «неприятности», – улыбнулся Дронго, – ваш друг, очевидно, не потерял чувство юмора. Из-за этих неприятностей он мог получить лет двадцать тюрьмы. Его могли обвинить в убийстве.

Сарычев присвистнул и покачал головой.

– Значит, вы действительно хороший сыщик, – убежденно произнес он, – но надеюсь, что здесь ваши способности не понадобятся. Поздней осенью в этом отеле почти не бывает гостей. Сюда приезжают только профессионалы, заранее оговаривая свой приезд, чтобы разыграть любимые партии в гольф. Это как заразная болезнь. Если вы начнете играть, то уже не сможете остановиться... Посмотрите, какой прекрасный удар. Это Алваро Карнейро, известный португальский адвокат. Какая интересная игра!

– Не сомневаюсь, – согласился Дронго, посмотрев в сторону игравших.

– А вы сами не пробовали? – оживился Сарычев. – Такой известный человек как вы, должен стать членом нашего клуба.

– Я не играю в гольф, – признался Дронго, – мне для этого не хватает куртуазности. Или буржуазности. Как хотите. Хотя в гольф играет даже Шон Коннери, но он стал сэром и имеет на это право.

– У нас много известных людей, – продолжал Сарычев, – наши бизнесмены учатся играть в гольф. Теннис и гольф – это сейчас самые модные виды спорта. И еще горнолыжный спорт.

– Теннис любил прежний президент России, а нынешний любит горнолыжный спорт. Интересно, кто из руководства любит гольф? – поинтересовался Дронго.

– Это правда, – рассмеялся Сарычев, подняв короткие руки, – а в гольф играют сейчас короли и банкиры. Сюда приехал сам мистер Фармер, один из самых богатых людей мира. Он играет в гольф уже полвека. Говорят, что он сыграл в эту игру почти со всеми коронованными особами Европы. У нас в клубе тоже очень солидные клиенты.

– Ваш контингент состоит из моих потенциальных клиентов, – мягко заметил Дронго, – некоторых из них я знаю...

– Конечно знаете, – согласился Николай Андреевич, – именно поэтому вам нужно быть членом нашего клуба. Извините, но я хочу пройти ближе. Сейчас будет бить Вилари. Хочу посмотреть, чем закончиться игра.

– Кто такой Вилари? Знакомая фамилия.

– Конечно, знакомая. Он международный авантюрист. Снимался в нескольких ролях во французских и итальянских фильмах. Но ничего особенного, никаких успехов. Любит играть в гольф, теннис, обожает казино. Два раза приезжал к нам в Москву. Альфонс, жуир. Мошенник, привлекавшийся к суду. Недавно женился на самой Кэтрин Фармер. Она намного старше него. Наверно, вы видели Вилари по телевизору или читали в газетах. Извините, я вас оставлю.

Сарычев прошел дальше, и Дронго взглянул на высокого красивого итальянца, замахнувшегося для удара. Солнце осветило его клюшку в тот самый момент, когда он высоко поднял ее для удара.

Отель «Меридиан», находившийся на южном побережье

Португалии, размешался, на площади в триста шестьдесят акров, занимая столь большую площадь благодаря многочисленным полям для игры в гольф. Они были спроектированы самым известным в мире дизайнером для игры в гольф Генри Коттоном. Именно поэтому здесь часто проходили международные соревнования и даже чемпионаты по игре в гольф.

Отель располагал прекрасным олимпийским бассейном, вытянутым на сто метров, вокруг которого могли отдыхать гости. Специальная деревня «Пингвин» была предназначена для детей, приезжающих с родителями. Отель находился недалеко от побережья, рядом с поселком Алвор, ставшим одним из центров туристического бума на юге Португалии.

– Извини меня, Кэтрин, – неожиданно услышал Дронго за спиной, – но я тебя не понимаю.

Он оглянулся. Между ним и двумя говорившими женщинами находился разросшийся куст папоротника. Женщины не могли видеть Дронго, а он слышал их разговор.

– Зачем тебе понадобился этот тип? – спросила Незнакомка. – Ты все никак не хочешь успокоиться. В твоём возрасте...

– Дорогая моя, – перебила ее Кэтрин, – мне только пятьдесят два. Ты кажется старше меня на два года. Или, если точнее, на четыре. Я уже не вспоминаю, сколько лет моему дяде.

– Это не имеет значения, – гневно перебила ее женщина, –

в конце-концов я супруга твоего дяди, а не твоего беспутного мужа. И я имею права сказать все, что я думаю об этом итальянском авантюристе? Неужели ты думаешь, что он тебя любит. У вас разница в возрасте почти десять лет. И не в твою пользу, Кэтрин. Я конечно тебя понимаю, но можно было только встречаться... Энрико хорош в роли племенного жеребца, но не более того...

– Не нужно так переживать, Сильвия, из-за моего брака. Или ты боишься, что мой дядя отпишет часть наследства и моему мужу, как своему близкому родственнику? Можешь не беспокоиться, он не пересматривал завещания уже много лет. Хотя лет двадцать назад хотел отписать часть денег одной топ-модели в Лондоне. Я тебе об этом рассказывала. Но он не стал этого делать.

– С тобой невозможно разговаривать, – разгневанная женщина Повернулась, и Дронго услышал нервный стук ее каблучков. Кэтрин осталась одна. Очевидно, она о чем-то думала. Дронго стоял замерев, не решаясь двинуться, чтобы не нарушить молчания. Внезапно женщина повернулась и, огибая кусты, пошла прямо на него. Ему показалось смешным и постыдным убежать. И поэтому он стоял на своем месте, когда вышедшая женщина едва не столкнулась с ним.

– Извините, – пробормотала она, сделав шаг влево.

– Простите меня, – произнес Дронго, сделав шаг вправо.

Они снова столкнулись. Женщина была в светло-голубом брючном костюме. Каштановые волосы аккуратно уложены.

У нее были красивые светло-карие лучистые глаза. Дронго подумал, что в жизни она еще лучше, чем на экране. Кажется, Сильвия сказала, что Кэтрин уже пятьдесят два года. Если даже она сделала подтяжку лица, то и в этом случае она выглядит очень хорошо. Ей нельзя было дать больше сорока.

– Простите, – еще раз пробормотал Дронго, делая шаг в сторону.

– Подождите, – требовательно произнесла Кэтрин, – вы... журналист?

– Кажется, нет, – улыбнулся Дронго.

– Вы давно здесь стоите? – в ее голосе он услышал нотки раздражения.

– Да, – чуть подумав ответил он, – но я следил за игрой.

– Вы слышали наш разговор? – она полагала, что у нее есть право допрашивать незнакомого человека только потому, что он оказался рядом с ней.

– Слышал, – подтвердил Дронго, – и за это мне полагается какое-то наказание?

Она поняла, что ведет себя не совсем корректно, и поэтому улыбнулась. Затем пожала плечами.

– Извините. Я думала, вы журналист и специально подслушивали наш разговор. Вы итальянец?

– Нет, я из Москвы.

– Странно. Никогда не встречала никого из Москвы. Мне говорили, что это красивый город. Простите, что я себя так глупо повела. Мы повздорили с супругой моего дяди, и я бы-

ла немного не в себе.

– Понимаю, – улыбнулся Дронго, – можете не беспокоиться. Я не прислушивался к вашему разговору, хотя говорили вы довольно громко.

– Да, – он сморщила свой небольшой носик и неожиданно громко рассмеялась, протягивая ему руку.

– Я Кэтрин Фармер, американская актриса.

– Знаю, – он наклонился поцеловав ей руку. – Я видел вас в последнем фильме. «Мрак под солнцем». А меня обычно называют Дронго.

– Какое забавное имя. Вы югослав или, как это... джорджия. Кажется, грузин?

– Нет, это не мое имя. Меня обычно так называют.

– Я поспорила с ней и поэтому была немного не в себе. Иногда у меня случаются срывы. Но когда женщине напоминают, что она на десять лет старше своего мужа, это всегда не очень приятно. Верно?

– Полагаю, что да, – согласился Дронго, – а ваш дядя намного старше своей супруги?

– Почему вы так решили?

– Вы об этом сказали.

– Ему восемьдесят два года, – улыбнулась Кэтрин, – а моей тетке только пятьдесят шесть. Хотя она уверяет всех, что пятьдесят четыре. Но между ними разница в двадцать шесть лет. Между прочим, когда она выходила за него замуж, ему было семьдесят, а ей сорок четыре. Тогда он тяжело болел,

и все считали, что этот брак долго не продлится... Я тогда была на ее стороне. Мы были подругами. А сейчас она смеет говорить мне подобные слова.

– Самые суровые критики – это люди, не уверенные в собственной позиции, – пожал плечами Дронго.

– Верно, – она взглянула в сторону игравших, среди которых был и ее муж.

– Он неплохо играет, – сказал Дронго.

– Наверно, – несколько растерянно согласилась она, – он любит играть в гольф. Хотя без особых успехов. Вы тоже приехали поиграть в гольф?

– Нет. Я здесь проездом. Только на три дня.

– Кто вы по профессии?

– Частный эксперт.

– Надеюсь, не в области психологии?

– Почти. По вопросам преступности...

Он не успел договорить, когда она поменялась в лице. Его смутило выражение ее лица. Это был гнев, возмущение, отвращение, ненависть...

– И вы посмели ко мне подойти, – закричала она, – вас специально наняли. Как вам не стыдно? Как вы посмели ко мне подойти? Вы... Вы... Вы частный детектив? – она повернулась и побежала в сторону здания.

Дронго проводил ее изумленным взглядом.

– Странно, – подумал он, чуть нахмурившись, – почему ей так не нравятся частные детективы? И кто мог нанять такого

специалиста?

Он повернулся и пошел в другую сторону, не глядя на играющих. Он не мог даже предположить, что в этом райском уголке уже завтра произойдет убийство.

Глава вторая

В Португалии за последние годы появилось сразу четыре отеля системы «Меридиан». Один в Лиссабоне, второй в Порто, а еще два на южном побережье страны. В Алворе находился отель, предназначенный для любителей семейного отдыха и игроков в гольф. Второй отель располагался гораздо восточнее в Алманхиле непосредственно рядом с океаническим побережьем.

Первый отель назывался «Меридиан Пенина Ресорт Гольф отель». Из-за многочисленных полей для игры в гольф и занимая большую площадь он был расположен в десяти минутах езды от небольшого поселка Алвор, куда ходил регулярный автобус отвозивший гостей к побережью. У отеля был собственный пляж и ресторан, расположенный у самой кромки океана. Само зрелище Алгарве могло поразить любого гостя. Длинная цепочка скал обрывалась почти у самого берега, где узкой полоской вытягивались песчаные пляжи самой юго-западной точки Европы. Скалы защищали пляжи от сильных ветров, господствующих в этой части Португалии. А роскошные пляжи привлекали сюда миллионы гостей не только из европейских стран.

Вечерами на побережье бывало достаточно прохладно, даже в очень жаркие июльские дни. Поздней осенью после захода солнца здесь бывало по-настоящему холодно. В самой

Португалии на протяжении всего года царил резко выраженный континентальный климат. Характерная погода была и на побережье Алгарве.

Само название Ал-гарб придумали арабы. Слово «гарб» на арабском языке означало «запад». Дронго давно слышал об этом роскошном курорте и решил приехать сюда, чтобы отдохнуть вместе с Джил. Однако она позвонила и сообщила, что приедет лишь через несколько дней, задержавшись по своим делам в Риме.

К ужину Дронго спустился на первый этаж, проходя в левую сторону здания, где находился ресторан. За столиками уже сидели немногочисленные гости, приехавшие в отель. Дронго обратил внимание, что его собеседница расположилась за большим столом, стоявшим у выхода на веранду. Кроме Кэтрин, за столом находились еще четверо мужчин и одна женщина. Судя по возрасту, это была супруга мистера Фармера. Сидевший рядом с ней пожилой человек устало смотрел в тарелку, почти не реагируя на разговоры вокруг себя. Рядом с ним сидел владелец отеля Мануэль Сильва, выделявшийся своей черной шевелюрой и пышными усами. Он был скорее похож на выходца из стран Магриба, чем на коренного португальца. Очевидно, среди его предков были арабы или мавры. Рядом с ним расположился тот самый известный адвокат, о котором говорил Сарычев. Алваро Карнейро было лет пятьдесят. Он тщательно скрывал свои залысины, причесываясь таким образом, чтобы утаить свои пле-

ши. Одетый в великолепный костюм от Брионии, он являл собой образец успешного адвоката. Дронго обратил внимание на перстень с крупным камнем на руке Корнейро. Английский или немецкий адвокат никогда бы не позволил себе надеть такой перстень. Для португальского адвоката это было в порядке вещей.

Дронго подумал, что адвокат не совсем уверен в себе. Когда мужчина носит парик, пытается скрыть свою лысину различными ухищрениями, перекрашивает волосы, или вытягивает их в другую сторону, чтобы создать видимость прически, он выглядит не только смешно, но и несколько жалко. Если не считать эстрадных звезд, для которых подобный имидж необходим, все остальные мужчины не совсем понимают, что выдают свою неуверенность таким обычным способом.

Слева от Кэтрин сидел ее молодой красивый спутник Энрико Вилари. У него были длинные темные волосы, орлиный нос, тонкие губы, приятный загар. Одетый в темно-синий пуловер, он выделялся среди окружающих и своей молодостью, и своей красотой.

Предупредительный метрдотель провел Дронго к столу, находившемуся в глубине зала. Дронго не успел сесть, когда услышал, как его зовут. Он обернулся и увидел за соседним столом Сарычева и неизвестного мужчину лет сорока пяти. Мужчина был высокого роста, с правильными, волевыми чертами лица. У него были очки, придававшие ему

облик учителя или врача.

– Идите к нам, – прокричал Сарычев, – садитесь с нами. Мы вас приглашаем.

Дронго подошел к столу. Неизвестный поднялся, протягивая руку.

– Мурашенков Арсений Викторович, – представился он.

– Меня обычно называют Дронго.

– Знаю, – не улыбнувшись, сказал Мурашенков, – я про вас слышал. Когда Николай Андреевич сказал, что вы здесь, я даже не поверил. Обычно вы появляетесь там, где происходит убийство.

– Постучу по дереву, – сказал Дронго усаживаясь за их столик, – чтобы ничего не случилось.

– Здесь ничего не случится, – улыбнулся Сарычев, – в таких отелях не бывают неприятных неожиданностей. У них своя охрана.

– Надеюсь, – Дронго пытался вспомнить, что он знал о Мурашенкове. Это был один из самых богатых людей в Москве. Многие журналисты писали о его связях с сотрудниками спецслужб.

– Странно, что такой человек приехал в Алгарве, – подумал Дронго, – сейчас не сезон, да и отдыхать лучше всего в других местах, где можно снять виллу и не общаться с остальными. Обычно очень богатые люди так и делают. Почему он приехал сюда вместе с Сарычевым? Или он тоже любитель игры в гольф?

– Явился этот тип, – вдруг зашипел Сарычев, поглядывая на двух вошедших людей, мужчину и женщину.

Мурашенков чуть нахмурился.

– Это не наше дело, – резко сказал он, – мы не должны обращать на них внимания.

– Он с нами здороваётся, – нервно добавил Сарычев.

Действительно, вошедший мужчина кивнул, обращаясь к ним. Мурашенков кивнул в ответ. А Сарычев даже поднял руку.

Вошедшая с неизвестным женщина взглянула в сторону Фармера и его спутников. Дронго увидел, как нахмурился невозмутимый старик, увидев вошедшую женщину. Она демонстративно отвернулась от него, проходя по залу. Фармер дернул рукой и положил бокал на столик. Все заметили, как задрожала его рука. Сидевший рядом с ним адвокат Карнейро нахмурился. Оба вошедших сделали вид, что не заметили переполоха, начавшегося в зале с их появлением. Мужчина был среднего роста, лысый, с аккуратно подстриженной бородкой и усиками. Несмотря на очки, он вертел головой, словно пытаясь одновременно увидеть сразу всех. Его спутница была высокая эффектная брюнетка средних лет. Она была в обтягивающих брюках и на высоких каблуках, которые подчеркивали ее изумительную фигуру.

– Кто это? – спросил Дронго.

– Разве вы приехали не из-за них? – быстро спросил Мурашенков.

– Нет, – ответил Дронго, – странное свойство моей репутации. Все считают, что я могу появиться на самом фешенебельном курорте только во имя работы. Я мог просто так приехать сюда.

– У вас слишком хорошая репутация, – сказал Мурашенков.

– Спасибо. Но кто эти люди?

– Шокальский, – презрительно сообщил Сарычев, – пан Тадеуш Шокальский, самый большой прохвост Европы. У него нет ничего святого, может мать родную заложить, чтобы выгодно продать. Об этом типе ходят легенды. Говорят, что в свое время он был связан даже с польской разведкой. Вы помните, что он устроил в Словении в прошлом году? – Сарычев взглянул на Мурашенкова, но тот чуть нахмурился, не отвечая на этот вопрос. Очевидно, он не хотел, чтобы его собеседник вспоминал об этом случае. Николай Андреевич верно понял выражение лица Мурашенкова и поэтому, закашляв, решил сменить тему.

– Не будем о нем говорить, – отмахнулся он, – посмотрите лучше на нашу гостью. Кэтрин Фармер в жизни даже лучше, чем в кино. Обворожительная женщина. И какая изумительная актриса.

– Да, – согласился Дронго, – мне она тоже понравилась. Но дама Шокальского, кажется, вызывает не меньший интерес.

Шокальский со своей спутницей прошли в другой конец зала и устроились за небольшим столиком. Подошедший

официант записал все пожелания гостей. Мурашенков и Сарычев выбрали рыбу. Дронго попросил принести ему запеченного ягненка.

– Боррего, – пояснил он официанту.

– Вы знаете португальский? – спросил Мурашенков.

– Нет. Но я хорошо знаю итальянский, а он немного похож с испанским и португальским. Кроме того, когда много путешествуешь, начинаешь запоминать типичные названия. А из рыбы я рекомендую вам заказать в следующий раз «тамборил» – так они называют «морского черта», и еще «ламприю» – угреподобную девятиглазку.

– Мне кажется, вы хорошо разбираетесь в португальской кухне, – усмехнулся Мурашенков.

– Я гурман. И вообще эпикуреец по жизни. Хотя на человечество я смотрю как пессимист, а свою жизнь пытаюсь вытраивать в оптимистическом ключе.

– Вы много путешествуете? – поинтересовался Сарычев.

– Думаю, что да. Я люблю эти перемещения в пространстве. Поиск новых мест, знакомство со странами, культурами, людьми. Это всегда очень интересно. Я побывал на всех континентах, кроме Антарктиды и Австралии.

Он говорил и смотрел на пришедших поляков. Шокальский с явным интересом рассматривал их столик. Дронго обратил внимание, что он кивнул и адвокату Карнейро, когда усаживался за свой столик. Адвокат в ответ кивнул гостю. Дронго видел, как нахмурился Мурашенков, также уловив-

ший этот кивок Карнейро.

– Кажется, я попал на чужой пир, – подумал Дронго, – такое ощущение, что они все приехали сюда по какому-то важному делу. И я совсем не уверен, что это игра в гольф. Они ведут себя как ревнивые конкуренты. Интересно, зачем они сюда все приехали и почему их так раздражает моя профессия? Если столько людей нервничают при упоминании моей работы, то здесь должен появиться человек, занятый схожей со мной деятельностью. Хотя бы потому, что его все так ждут...

Он не успел додумать до конца, когда в зал ресторана вошел... Но этого просто не могло быть. От растерянности «Дронго» даже привстал. Встретить здесь своего коллегу, да еще такого известного. Дронго несколько растерянно посмотрел на сидевших рядом с ним людей.

– Извините меня, – сказал он, понимая, что нельзя этого делать, – я вас оставлю. Прошу еще раз простить меня.

– Кто это? – спросил Сарычев, показывая на вошедшего.

– Мой старый знакомый, – достаточно невежливо ответил «Дронго», не уточняя, кто именно появился в ресторане. Он даже не знал нужно ли им говорить об этом. Возможно, было бы лучше, если бы он остался сидеть с ними за столиком. Но не подойти к вошедшему в зал человеку он не имел права. Просто не мог. Это был его кумир, один из тех, кого он считал своими учителями. В мире было лишь несколько человек, подобных вошедшему гостю.

– Вы его знаете? – уточнил Сарычев. Мурашенков снова нахмурился. На этот раз он даже не пытался скрыть своего раздражения.

– Это мсье Дезире Брюлей, – сообщил Дронго, понимая, что Мурашенков узнал этого человека. Он прошел через весь зал и подошел к столу, рядом с которым тяжело опустившись на стул, сел вошедший в зал незнакомец.

– Добрый вечер комиссар, – тихо произнес Дронго, оставиваясь перед гостем.

– Добрый вечер, – буркнул комиссар, не удивившись появлению Дронго, словно они договорились о встрече именно здесь, в отдаленной точке Европы.

– Садись, – разрешил комиссар, показывая на стул, стоявший рядом с ним. Дронго обернулся и заметил, как все сидевшие в ресторане смотрели в их сторону. Он сел спиной к залу.

– Я так рад вас видеть, – искренне сказал он.

Перед ним сидел бывший комиссар французской полиции легендарный Дезире Брюлей. За два пока когда они не виделись, Брюлей не изменился. Его лицо было словно высечено из камня. Массивные плечи, грубые черты лица, бывший комиссар полиции был известным на весь мир человеком, а его любовь к трубке была столь же традиционна, как у многих литературных героев, ставших известными сыщиками.

– Я тоже рад тебя видеть, – кивнул в ответ Брюлей, – хотя мне было бы приятнее увидеть тебя в Париже. Зачем ты

прилетел? Кто-то из этих типов сумел тебя уговорить, чтобы ты позаботился об их интересах? – он не скрывал своего пренебрежения к окружающим людям.

– Меня трудно уговорить, комиссар, – улыбнулся Дронго, – и вы это знаете.

Ему было приятно разговаривать с человеком, которому он абсолютно доверял. Они были знакомы уже много лет.

– Почему не спрашиваешь меня, как я здесь оказался? – прохрипел Комиссар. – Или ты думаешь, что меня тоже можно купить? Старый конь стоит дешевле молодого?

– Я не хотел вас обидеть, – встрепенулся Дронго.

– Я знаю, – ответил комиссар, – ты вообще ко мне хорошо относишься. Но на этот раз у тебя есть все причины изменить обо мне мнение. Я приехал сюда по приглашению одного из этих типов.

– Даже если вас пригласит сюда сам Сатана, я и тогда не изменю своего мнения о вас мсье комиссар, – они говорили по-английски, и Дронго приходилось выговаривать более четко слова, чтобы Брюлей его понимал. Комиссар говорил по-английски с заметным французским акцентом.

– Спасибо, – пробормотал явно польщенный комиссар, – не нужно так изощряться. У меня за последние четверть века не появилось ни одного друга. В старые годы трудно заводите новых друзей. Ты же знаешь, что у нас с женой нет детей, и поэтому мы дружим с людьми, которые уже много лет появляются в нашем доме. Новых лиц у нас не бывает, – тя-

жело произнес комиссар и, не делая паузы, добавил, – кроме тебя. Ты единственный человек, кто появился в нашей семье за последние десятилетия. Иногда я думаю, что ты мог бы быть моим сыном, настолько хорошо я к тебе отношусь.

Дронго улыбнулся, чувствуя, как предательски заблестели его глаза. Похвала такого человека стоила многих высших наград.

– Поэтому давай перестанем обмениваться глупыми любезностями и поговорим по делу, – проворчал комиссар и позвал официанта. Его скупые жесты и слова чем-то напоминали известного французского актера Жана Габена, настолько органичными и характерными они были.

– Принеси мне бокал вина, – приказал комиссар, и, когда официант отошел, сказал обращаясь к Дронго: – Ты уже, наверно знаешь, что здесь должно произойти. Завтра они подписывают крупный контракт на организацию какого-то соревнования по гольфу. Говорят, что это будет параллельный чемпионат мира. Очень большие деньги, Дронго. Когда мне назвали сумму, я даже не поверил. Можешь себе представить, этот спорт богатых бездельников. Ходят по искусственным полям в мягких тапочкам, а слуги носят за ними их клюшки. И вся игра заключается в том, чтобы попасть шариком в дырочку. Игра для придурков, – убежденно произнес комиссар, ошупывая карманы. И, лишь затем вспомнив, добавил: – Черт возьми, здесь не разрешают курить. Им мало одного чемпионата, хотят организовать суперсоревно-

вания для «своих». Для президентов банков, компаний, для коронованных особ и всяких там шейхов. Соревноваться с профессиональными спортсменами они, конечно, не смогут, а вот побегать друг за другом – пожалуйста.

– Я слышал, что в мире есть несколько таких соревнований.

– Эти будут самыми грандиозными. В гольф не играют бедные люди. Это спорт очень богатых людей. Как соревнование на своих яхтах.

– И вы приехали только из-за этого? – Дронго чуть смущенно улыбнулся, ему было неприятно задавать такие вопросы. Но он знал, что бывший комиссар не любит, когда ему пытаются подыграть.

– Не только, – на грубом лице комиссара появилась улыбка, – ты знаешь, если бы ты меня не спросил, я бы очень удивился. И, может быть, даже огорчился. Конечно, я приехал сюда не из-за этих бездельников и не из-за этой игры. Сначала ко мне обратился один из этих бездельников, и я, конечно, ему отказал. Я не спустил его с лестницы только потому, что мы встретились в неплохом ресторане в отеле «Крийон», находившемся на первом этаже.

– Справа от входа, – кивнул Дронго, – я там бывал.

– Не нужно напоминать комиссару полиции, живущему на зарплату, что ты бывал во всех лучших ресторанах Парижа.

– Убедили. Я теперь буду обедать только в американских закусочных.

– Не стоит. Такой жертвы я от тебе не требую. Я сразу отказался. В моем возрасте лететь в Португалию не совсем удобно. И совсем не солидно. Я правильно выразился по-английски?

– Я вас понял. Мне всегда неприятно, когда я вспоминаю, что не сумел выучить французский язык.

– Между прочим никогда не поздно, – проворчал Брюлей, – в общем я отказал. А потом мне позвонил мой старый знакомый и настоятельно попросил меня принять приглашение. Очень просил. Учитывая, что мне пообещали солидный гонорар, а в Португалии я никогда раньше не был, я перезвонил первому собеседнику и объявил, что согласен. Вот и все.

– И ваш друг был из какой-нибудь секретной службы вашей страны? – поинтересовался Дронго.

Брюлей нахмурился. Полез в карман за трубкой. Достал ее, посмотрел и негромко выругался. Затем убрал трубку обратно.

– Вот так мне и нужно, – негромко сказал он, – нельзя скрывать от друзей даже такие подробности. Как ты догадался? Только не ври, что ты знал заранее. Мы говорили вдвоем, гуляя в лесу.

– Среди гостей есть известный российский бизнесмен, – пояснил Дронго, – по моей информации, он достаточно тесно связан с российскими спецслужбами. И недавно сюда пришел некий пан Шокальский, о котором я узнал, что он тоже был связан с польскими спецслужбами. А потом появи-

лись вы. Таких совпадений не бывает. Или бывает?

– Не бывает, – согласился Брюлей, – именно поэтому меня сюда и позвали. Кроме чемпионата, они собираются договориться о покупках новых технологий для производства оборудования. Атомные станции. Вообще такой чемпионат придуман для неформального общения глав крупнейших корпораций с политиками и руководителями государств. Как, например, Давос в Швейцарии. Все катаются на лыжах, а потом вдруг резко падает курс франка или поднимается курс иены. Хотя у нас уже нет франка, – махнул рукой комиссар. – Скоро у нас все будет общее, и не только деньги. Одно общее правительство, общие продажные журналисты, общие деньги, одни и те же американские актеры появляющиеся на экранах всех стран мира. И одинаковые гамбургеры, которые подают в каждой столице мира. Я превращаюсь в старого ворчуна. Теперь ты все знаешь. Вот почему я здесь. Теперь не говори, что ты приехал случайно? Тебя нанял этот русский бизнесмен?

– Я вас удивлю. Я оказался здесь проездом. На самом деле я жду Джил, которая приедет через несколько дней.

– И я должен поверить? – прохрипел комиссар.

– Я бы не стал вас обманывать, – Дронго смотрел ему в глаза.

Брюлей фыркнул. Снова полез за трубкой. И снова убрал руку.

– Мне остается только поверить тебе, – негромко сказал

он, – и знаешь, что я тебе скажу. Настоящий профессионал всегда оказывается там, где он нужен. Если ты оказался здесь даже случайно, значит, так должно было случиться. Теперь расскажи мне, что ты знаешь об этих господах, которые с таким любопытством смотрят на нас. Давай подробнее, начнем с этих поляков. Кажется, они так интересуются нами, что все время смотрят в нашу сторону.

Дронго оглянулся.

– Смотрят, – согласился он, – но боюсь, что я ничего не смогу сказать о пане Шокальском и его очаровательной спутнице... Сегодня я увидел их впервые в жизни...

Он не успел договорить, когда они услышали звук разбитого бокала. Все обернулись в сторону большого стола. Кэтрин швырнула на пол салфетку и поднялась со стула. Очевидно, она снова спорила с супругой своего дяди. Адвокат Карнейро вскочил, пытаясь уладить скандал, но Кэтрин, повернувшись, уже уходила из зала ресторана. Вилари, пробормотав извинение, поспешил за ней. Сильвия пыталась успокоиться, но было заметно, как у нее дрожат губы. Мануэль Сильва снисходительно улыбался. И только Фармер сохранял абсолютное спокойствие.

– По-моему, они не могут поделить этого старика, – пробормотал Дронго. Он увидел, как Сарычев подошел к Шокальскому и что-то быстро пробормотал. Поляк сразу согласно кивнул головой.

– После ужина, – достаточно громко добавил Сарычев, и

Шокальский снова кивнул головой.

– Здесь будет интересно, – подумал Дронго, – Кажется, они все ненавидят друг друга.

Глава третья

Борьба с курением, превратившаяся в цивилизованных странах в настоящую войну против курильщиков, привела к тому, что запрет на курение был объявлен почти во всех авиакомпаниях, в публичных местах, в ресторанах, барах, гостиницах. Для курящих отводились специальные резервации, которые с каждым годом становились все меньше и меньше. В отеле «Меридиан» для курильщиков был отведен специальный зал, находившийся перед входом в гриль-ресторан. Здесь собирались гости отеля, предпочитавшие отдыхать в клубах сигарного дыма и среди любителей крепкого табака. Комиссар, усевшийся в глубокое кожаное кресло, с удовольствием достал свою трубку. Кроме них, в зале сидел одинокий англичанин предпочитавший дымить гаванской сигарой. Англичанин смотрел в окно и не интересовался гостями, расположившимися рядом с ним.

– Вы можете сказать мне, что именно предложил вам приехать сюда? – поинтересовался Дронго, – я имею в виду не вашего друга, а одного из гостей отеля?

– Кто может вызвать комиссара полиции, хотя бы и бывшего? – усмехнулся Брюлей. – Мне интересно твое мнение Дронго?

– Конечно, не русские и не поляки, – улыбнулся Дронго, – они обычно предпочитают не связываться с полицией. К то-

му же обе пары имели связи со спецслужбами своих стран. Джеймс Фармер привез бы с собой целую кучу телохранителей и обратился бы к частному эксперту. Его племянница, узнав о том, что я эксперт по вопросам преступности очень огорчилась. Значит, она, во-первых, не хотела присутствия такого эксперта, а во-вторых, не знала о его появлении. Его молодой муж вряд ли стал бы приглашать вас без согласия супруги. Остаются трое – жена мистера Фармера, владелец отеля Мануэль Сильва и адвокат Карнейро. Владелец отеля сделает все, чтобы избежать любого осложнения ситуации, но он не станет приглашать такого неуправляемого человека, как вы, зная ваш характер и вашу репутацию. К тому же вы известный человек и не пойдете на компромисс в случае необходимости. Сильвия боится только одного – лишиться наследства своего мужа. Она вполне могла обратиться к вам за помощью. Но я думаю, что в случае необходимости она бы обратилась к частному эксперту, а не к бывшему комиссару полиции. И, наконец, адвокат Карнейро. У него наверняка есть связи с полицией и французскими адвокатами. Его приезд мог заинтересовать ваши спецслужбы. И приглашение в Португалию могло поступить от местного жителя. Иначе бы вас пригласили в Москву или Варшаву. Именно он мог обратиться к вам за помощью. Я прав?

– Конечно, – буркнул комиссар, – все просчитал верно. Этот адвокат приехал ко мне в Париж и попросил меня приехать в Алвор.

– Он сказал почему?

– Объяснил, что опасается конкуренции со стороны русских и поляков.

– И только?

– Нет, не только... Он считает, что они могут помешать заключению соглашения между Фармером и его клиентом, владельцем отеля Мануэлем Сильвой. Ему было важно мое присутствие.

– Почему он не нанял частных экспертов? Или личную охрану?

– В отеле есть своя охрана, – пояснил комиссар Брюлей, – думаю, он опасается какого-то подвоха. Непредсказуемого поведения одного из конкурентов. Формально переговоры ведутся между португальцами, русскими и поляками с одной стороны, и компанией мистера Фармера – с другой. Причем Фармер ведет все переговоры лично, не доверяя своим юристам. И лишь когда соглашение достигнуто, он вызывает своих юристов.

– Когда начнутся переговоры?

– Завтра утром, – комиссар тяжело вздохнул, – придется мне выступать в роли адвоката и охранника в одном лице.

Дронго хотел задать следующий вопрос, когда в зал одновременно вошли Шокальский, Сарычев и Мурашенков. Напарницы поляка с ними не было. Увидев Дронго, Мурашенков чуть нахмурился, а Сарычев вежливо поздоровался. Все трое прошли в дальний угол, усаживаясь за столик. Подско-

чившего официанта попросили принести коньяк. Мурашенков и Сарычев достали сигареты.

– Кажется вас вызвали не напрасно, – тихо сказал «Дронго», по-моему, они собираются договориться.

Было заметно, как нервничает Шокальский. Мурашенков говорил, настаивая на своем, и Шокальский все время очень тихо, но твердо возражал. Сарычев почти не вмешивался в беседу, лишь переводя тревожные взгляды с одного соперника на другого.

– Ты слышишь, о чем они говорят? – спросил комиссар.

– Вы видите затылком? – усмехнулся Дронго.

– Ты все время смотришь в их сторону, – пояснил Брюлей, – я могу видеть по твоим глазам, как ты пытаешься услышать их разговор. Ты ведь знаешь русский язык. Или они говорят по-польски? Он должен быть похож на русский.

– Они говорят по-русски, – сообщил Дронго, – говорят достаточно тихо, так как понимают, что я могу их услышать. Мурашенков все время предлагает варианты, а Шокальский отказывается. Полагаю, что они не могут договориться.

– И не договорятся, – кивнул комиссар, выпуская клубы дыма – они конкуренты, и поэтому не смогут договориться.

– У вас поразительная выдержка, – признался Дронго, – вы ни разу не повернулись в их сторону, даже не пошевелились. Такой выдержке еще нужно поучиться.

– Научишься, когда будешь в моем возрасте. Если я начну на них оборачиваться, они поймут, что мы интересуемся их

беседой. И боюсь, что они решат продолжить свой разговор в другом месте.

– Согласен, – Дронго заметил, как в зал вошла спутница Шокальского. Она была высокого роста, спортивного телосложения. Коротко стриженные темные волосы, заметно выделяющиеся скулы. Ей было лет сорок, но она выглядела достаточно хорошо для своего возраста. Дронго даже подумал, что очень хорошо. У нее были серые холодные глаза. Войдя в зал, она внимательно осмотрела всех присутствующих. Дронго подумал, что так входят в комнату сотрудники полиции или спецслужб. Незнакомка взглянула на флегматичного англичанина, уже успевшего докурить свою сигару, посмотрела в сторону Дронго и неподвижно сидевшего комиссара. И лишь затем подошла к столику Шокальского, усаживаясь немного в стороне, как обычно садятся телохранители. Шокальский чуть повернулся в ее сторону и посмотрев на своих русских собеседников, быстро представил свою спутницу.

– Пани Томашевская, – сказал он достаточно громко, чтобы его услышал и Дронго. Больше он ничего не добавил, очевидно решив, что и этого вполне достаточно. Наверняка Томашевский исполнял при нем роль своеобразного телохранителя.

– Вошедшая дама села чуть в стороне, не принимая участия в беседе, – пояснил Дронго, обращаясь к комиссару. Тот кивнул головой, продолжая дымить. Мурашенков,

уже заметно нервничая, доказывал своему собеседнику неоспоримость собственной позиции, но Шокальский парировал все его доводы. Они даже не заметили, как постепенно повышали голос, и Дронго начал улавливать отдельные слова.

– У вас... не получится... – горячился Мурашенков, – мы... стоимость контракта... Вы только посредники...

– Европейское единство... – возражал Шокальский, – ваше присутствие на рынке...

Комиссар сохранял хладнокровие, даже не спрашивая Дронго, о чем именно говорят собеседники. Дронго, вспомнив о Брюлее, смутился.

– Извините меня, комиссар, – пробормотал он, – я увлекся их спором.

– Я ждал, пока ты решишь сообщить мне, о чем именно они спорят, – сообщил комиссар.

– Русские говорят о том, что у поляков ничего не получится. Очевидно, делегация из Москвы предлагает гораздо больше денег, чем могут предложить поляки. К тому же поляки не являются основными покупателями и выступают в качестве посредников. Шокальский говорит о европейском единстве, намекая, что подобный контракт не отдадут русским. Они продолжают спорить, не могут договориться.

Мурашенков заметно нервничал. Он оглядывался на Сарычева и нервничал еще больше. Очевидно, его беспокоила позиция Шокальского. Наконец он не выдержал.

– У вас ничего не выйдет, Шокальский, – зло сказал Мурашенков, – в Европе нет такой компании, которая могла бы дать больше нас. Мы предложим в два, в три, в четыре раза больше, и все равно станем победителями. При любом исходе, Шокальский. Вы меня понимаете? При любом раскладе мы будем победителями.

Он поднялся. Сарычев поспешил встать вслед за ним. Шокальский с любопытством посмотрел на обоих.

– Только одно маленькое уточнение, пан Мурашенков, – мягко произнес он, хитро улыбаясь, – я говорил о европейском единстве, но я не говорил, что мы представляем европейскую компанию. Мы всего лишь посредники. Может быть, мы представляем американскую корпорацию или японскую? А может, нас послали арабы? Вам не кажется, что у вас не хватит денег конкурировать против всего мира?

– Тогда мы придумаем что-нибудь другое, – зло пообещал Мурашенков и, повернувшись пошел к выходу. Сарычев поспешил за ним. Шокальский негромко пробормотал польское ругательство и взглянул на Томашевского. Тот пожал плечами.

Комиссар не повернулся и в этот раз.

– Что там произошло? – спросил он.

Дронго подробно рассказал о случившемся скандале.

– Кажется, настало время пообщаться с моим клиентом, – сказал Комиссар, тяжело поднимаясь, – пойду пообщаюсь с этим прохвостом Карнейро, который втянул меня в авантю-

ру европейского масштаба.

Он поднялся и вышел из зала. Шокальский даже не посмотрел в его сторону. Он что-то быстро говорил пани Томашевской. Она молча слушала. Англичанин поднялся и посмотрел на часы. Затем неспешно вышел из зала. Дронго услышал его негромкий голос.

– Мои вещи уже в автомобиле?

– Да, мистер Райт, – сообщил ему портье, – мы уложили ваш багаж в салон автомобиля. Вот ваши ключи, мистер Райт. И копия счета.

– Спасибо, – англичанин очевидно уезжал. Дронго в который раз подумал о своеобразии национальных традиций. Англичанин пришел сюда, чтобы выкурить любимую сигару. Он мог выкурить ее в салоне своего автомобиля, но предпочел спокойно завершить ужин, пока его багаж будут грузить, и пройти в зал, чтобы не торопясь выкурить сигару. Такой невероятный характер. Или для англичанина подобное было в порядке вещей? Дронго улыбнулся и поднялся со своего места. И в этот момент услышал, как Шокальский говорит пани Томашевской.

– Тогда мы его уберем, Илона, – Дронго сделал вид, что не понял этой фразы, произнесенной по-польски. Не оборачиваясь он вышел из зала.

– Напарница Шокальского похожа на профессионального «ликвидатора», – подумал Дронго, – такая очаровательная дама способная отравить или пристрелить любого нуж-

ного «клиента». Тогда выходит, что пан Шокальский привез с собой такого человека. Но почему тогда Фармер так испугался? Ведь по логике вещей он не должен знать напарницу Шокальского. А если он ее знает, то где и когда они успели познакомиться. Неужели именно такую опасность имел ввиду Карнейро, когда поехал в Париж за комиссаром Брюлеем. Или есть еще другая опасность?

В холле отеля он увидел как невозмутимый англичанин усаживается в салоне своего автомобиля и медленно отъезжает от гостиницы. Каждый отель такого класса проектируется и строится с участием известных дизайнеров, архитекторов. При подъезде к отелю были устроены своеобразные террасы, и автомобиль поднимался по кругу, чтобы припарковаться рядом со входом или на ближних террасах, где росли небольшие карликовые деревья и большие кусты цветов, посаженные с таким расчетом, чтобы оттенять верхние террасы от нижних.

Дронго подумал, что англичанам приходится в Европе труднее всего. Переход с правостороннего на левостороннее движение, принятое в Европе, мог привести к многочисленным авариям, если бы не известная пунктуальность и добросовестность граждан Туманного Альбиона, не любивших нарушать правила дорожного движения, даже с учетом европейских особенностей.

Когда англичанин уехал, Дронго подошел к портю.

– Вчера приехали мои друзья из Варшавы, – сказал он об-

ращаясь к портье, – в каком номере они остановились?

– Вы ошибаетесь, сеньор, – улыбнулся немолодой портье лет пятидесяти, – они остановились в двух соседних номерах на третьем этаже. Там же, где и вы. Рядом с вашим номером. Нужно им что-то передать? Кажется, я видел, как они прошли в зал перед гриль-рестораном. Разве вы их так не заметили?

– Какой глазастый портье, – разочарованно подумал «Дронго», – наверно, я не обратил внимание, – пробормотал он.

– Да, – улыбнулся портье, – меня все спрашивают об этой паре. Многие считают, что они муж и жена. Но я думаю, что всех интересует скорее женщина, чем мужчина.

– И многие о них спрашивали? – насторожился Дронго.

– Многие, – уклонился от ответа портье.

– Какой молодец, – восхитился Дронго, – настоящий суккин сын.

Он достал пятидесятидолларовую бумажку.

– В нашей стране любят другие зеленые деньги, – очень тихо сообщил портье, – мы перешли на евро.

– Зеленые деньги? – не понял Дронго, – обычно «зелеными» называли доллары. – И вдруг он догадался. И расхохотался. Конечно, «зеленные». Цвет купюр, достоинством в сто евро. Он поменял бумажку.

– Она мне больше нравится, – доверительно сообщил портье, принимая деньги, – кроме вас, этой парой интересо-

вались адвокат Карнейро, наш французский гость мсье Брюлей, сеньор Сарычев, мистер Фармер.

– Интересный список, – пробормотал Дронго, – надеюсь, что когда вам заплатят еще одну бумажку такого цвета, вы забудете назвать им мое имя.

– Лучше получить ее немедленно, чтобы я сразу забыл ваше имя, – сообщил довольный портье.

– Как он мне нравится, – в который раз восхитился «Дронго», доставая вторую купюру, – как вас зовут? Вы португалец?

– Мои предки – выходцы с Азорских островов, – улыбнулся смуглый портье, уже предвкушая вторую бумажку, – меня зовут Жозе Монтейру.

– Вы очень сообразительный человек, – кивнул Дронго, – но я думаю, что вторую купюру мне лучше сохранить у себя. Ведь вы все равно расскажете обо мне, когда получите следующую бумажку.

Он сделал эффектный жест и спрятал купюру в карман. Портье шумно выдохнул воздух и неожиданно улыбнулся, показывая свои зубы.

– Вы настоящий психолог, сеньор, – восхищенно сказал он, – я бы все равно никому про вас не рассказал. Даже без денег. Остальные платили гораздо меньше. Карнейро и комиссар Брюлей не дали ничего, Фармер дал только пять долларов, а Сарычев десять. Вы не знаете, почему богатые люди обычно бывают такими жадными? Я не имею в виду вас, вы

настоящий сеньор.

– Спасибо, Жозе. Боюсь, что никогда не буду богатым человеком. Они умеют ценить деньги, а я умею их только зарабатывать и тратить. Ценить и хранить их я так и не научился.

Дронго повернулся и вошел в зал, когда оттуда выходили Шокальский и его спутница. Они прошли совсем рядом с ним, и женщина чуть усмехнулась. Аромат парфюма Дронго приятно щекотал ее ноздри. Уже много лет он пользовался только «фаренгейтом», употребляя лосьоны, дезодоранты, мыло и кремы фирмы Кристиана Диора. Иногда казалось, что запах «Фаренгейта» въелся в его кожу, настолько привычным был этот агрессивно-волнующий аромат парфюма. Женщина обернулась, чтобы посмотреть на «Дронго». Ее спутник был ей по плечо. Дронго, обернувшись, улыбнулся пани Томашевской, но она уже успела отвернуться.

Он вошел в зал и прошел к комиссару, снова набивавшему свою трубку. Дронго уселся напротив.

– Вы спрашивали про поляков у портье? – поинтересовался он.

– Конечно, – ответил комиссар, – мне нужно было знать, кто именно сюда приехал. За ужином мистер Фармер несколько раз очень странно смотрел в сторону этой польской парочки. Мне было интересно узнать, в каких номерах они живут. Оказалось, что в разных. А я поначалу принял их за семейную пару.

– Я тоже, – признался Дронго, – но в даме есть что-то

странное. Она больше похожа на переодетого спецагента, такого «Джеймса Бонда» в юбке. А он на ее сутенера.

– И я так подумал, – усмехнулся комиссар, – именно поэтому поинтересовался, как они разместились. Мне они тоже интересны, и я думаю, что нужно будет перезвонить в Париж и узнать что есть в «Интерполе» на эту странную парочку. Заодно постараюсь узнать и про русскую парочку, которая так некстати оказались здесь, – он посмотрел на часы, – извини, но я устал. Мне лучше подняться в номер. Я остановился на третьем этаже. А ты на каком?

– Также на третьем, – Дронго улыбнулся, – кажется, всех гостей отеля разместили на третьем этаже.

– В такое время не бывает много гостей, – согласился комиссар и, тяжело поднявшись из своего кресла пошел к выходу. Дронго пошел за ним, – не нужно меня провожать, – отмахнулся Дезире Брюлей.

Дронго вернулся на свое место и попросил официанта принести ему чашечку чая. Он не успел допить чай, когда в зал вошла Илона Томашевская. Она успела переодеться. Теперь на ней бежевая блузка и темная юбка чуть ниже колен с запахом. «МаксМара», – подумал Дронго. Характерная для них гамма цветов. У этой пани определенно неплохой вкус. Она вошла в зал и сразу посмотрела в сторону Дронго. Собственно никого больше в зале и не было.

– Кажется, она собирается разговаривать именно со мной, – подумал Дронго, поднимаясь, когда женщина подо-

шла к нему.

– Господин Дронго, если не ошибаюсь? – спросила она. По-русски она говорила с характерным польским акцентом, но достаточно чисто. Он вдруг вспомнил Монику Эклер, польского дипломата, с которой познакомился несколько лет назад в Мадриде. Как давно это было.

– Разве мы знакомы? – спросил он несколько удивленно.

Она села в кресло, положив ногу на ногу. И достав сигареты. Дронго опустил в свое кресло, ожидая ответа на свой вопрос.

– Разве вы не Дронго? – спросила Илона.

– Меня обычно так называют, – согласился он, – но как вы меня узнали?

– Ваш запах, вернее, аромат вашего знаменитого парфюма. Ваша характерная мягкая обувь и ремни с инициалами «Балли». Весь мир знает о ваших пристрастиях, господин Дронго. И еще про вас лично. Я была чемпионом Европы по стрельбе и знаю, что у вас были достижения и в этой области...

– Чемпионом Европы я не был, – буркнул Дронго, которому было приятно слышать о себе такие слова.

– Вы самый известный эксперт по вопросам преступности в Европе, – продолжала Илона, – таких специалистов, как вы, можно посчитать по пальцам. В Европе вас трое. Комиссар Дезире Брюлей, мистер Мишель Доул из Лондона и вы. Или я кого-то пропустила?

– Нет. Вы поразительно хорошо осведомлены. И о моих пристрастиях, и о ведущих экспертах...

– Два из которых оказались здесь, – быстро перебила она его.

– Два из которых случайно оказались здесь, – подчеркнул он четвертое слово.

– И поэтому вы «случайно» интересовались нами. А до вас портье расспрашивал мсье комиссар. Или это тоже «случайность»? – с улыбкой спросила пани Томашевская.

– Какой очаровательный негодяй этот Жозе Монтейру, – восхитился в душе Дронго, – успел ей сказать про меня. Неужели она заплатила больше моего.

– Сколько вы ему дали? – неожиданно спросил он.

– Что? – не поняла женщина.

– Сколько вы ему заплатили? – поинтересовался «Дронго», только честно.

– Сто евро, – призналась Илона, – он сам назначил цену.

– Молодец, – Дронго рассмеялся, – извините, я подумал про этого типа. Кажется, он неплохо зарабатывает на нашей подозрительности.

– Зачем вы сюда приехали? – спросила женщина, очевидно, не привыкшая к дипломатическим тонкостям. Она потушила сигарету. И почти сразу достала вторую.

– Я оказался здесь случайно, хотя, увидев комиссара Брюлея, вы можете мне не поверить. Действительно, странно, что мы двое оказались именно здесь, в одном месте, на краю Ев-

ропы. Но почему вы приехали сюда и в такой странной компании с паном Шокальским.

– Он вам не нравится? – улыбнулась Илона.

– Пока не определился, но симпатий он у меня не вызывает. Наверно, это подсознательное чувство. Своего рода зависть к более удачливому самцу. Когда он появляется с вами, я чувствую себя не столь уверенно.

– Он не мой любовник, – жестко сообщила пани Томашевская, если это вы имеете в виду.

– Нет. Я просто имел в виду, что вы очень красивая женщина.

– Здесь только одна красивая женщина, – возразила Илона, Кэтрин Фармер, известная на весь мир актриса.

– Она очень красивая женщина, – согласился Дронго, – но в вопросах женской красоты я достаточно толерантен. Мне нравится, когда присутствует многообразная цветовая палитра. Или вы думаете иначе?

Она убрала сигарету и закусила губу, чуть усмехнувшись и По-достоинству оценив его ответ. Стряхнула пепел своей сигареты. И снова закурила.

– Можно я задам вам тот же вопрос? – спросил Дронго. – Почему вы здесь?

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнила Илона.

– Я здесь оказался абсолютно случайно, – ответил «Дронго», он хотел добавить, что ждет свою жену, но замолчал. Про Джил не должен был знать никто в целом мире. При его

известности он не смог бы гарантировать безопасность своей семьи. И поэтому он замолчал.

– В таком случае я тоже приехала отдохнуть в Алгарве, – зло парировала его собеседница.

– Не обижайтесь, – попросил Дронго, – я ведь понимаю ваши чувства. Считайте, что нас вместе с комиссаром сюда пригласили. Тогда вам станет легче?

– Кто именно пригласил?

– Этого я вам не скажу. Теперь ваша очередь отвечать на мой вопрос. Зачем вы сюда приехали?

– Пан Тадеуш пообещал мне удивительный отдых на берегу океана, – усмехнулась она.

– Я видел, как вы входите в комнату, видел как вы осматриваетесь в помещении, – сказал Дронго, – добавьте ваши слова о не совсем традиционном для красивой женщины увлечении стрельбой. И, наконец, ваши вопросы и ваша мгновенная реакция на слова портье... Вывод очевиден. Вы сотрудник спецслужб или офицер полиции?

– Я знала, что вы так и подумаете. Я работала в Министерстве внутренних дел. Четырнадцать лет...

– Сейчас не работаете?

– Нет. Уже несколько лет как не работаю. Ушла в девяносто девятом. Сейчас я частный детектив. Как вы, господин Дронго.

– Предположим. Тогда почему Фармер так взрогнул, увидев вас. Или у него были свои интересы в вашем Министер-

стве? Я не думаю, что польская полиция так рьяно искала столь известного миллионера. Или я ошибаюсь?

По лицу Илоны пробежала какая-то тень. Длинная струя дыма поднялась в воздух. Дронго терпеливо ждал.

– Я думала, что вы знаете... – сказала она.

В некоторые моменты нужно молчать. Дронго знал, как разговорить собеседника, он умел слушать и умел говорить таким образом, чтобы втянуть любого собеседника в разговор. Но сейчас нужна была пауза. Илона молчала пять секунд, шесть, семь...

– Двадцать лет назад в Лондоне я участвовала в конкурсе красоты, – сообщила она, с силой потушив сигарету в пепельнице, тогда мистер Фармер был генеральным спонсором этого конкурса. Ему было под шестьдесят. А мне только девятнадцать. Нужно говорить дальше или вы все поняли?

– Тогда вы с ним и познакомились? – спросил ошеломленный Дронго.

Она кивнула.

– И они знали, что вы приедете вместе с Шокальским?

Она пожала плечами.

– Чем больше я узнаю, тем больше удивляюсь этой жизни и всем окружающим меня людям, – подумал Дронго.

– Я хотела, чтобы вы все узнали от меня, – сказала Илона, – вас, наверно, позвали из-за меня. И комиссара Брюлея тоже. Они думают, что я буду мстить... Как глупо. Он совсем старик, хотя говорят, что его супруга намного моложе него.

Но он всегда любил молодых женщин.

– Тогда что-то произошло?

– Я заняла третье место, – сообщила Илона, – но ничего хорошего больше вспомнить не могу.

– Почему? – спросил Дронго.

– У меня были неприятности, – коротко сказала она, не став вдаваться в подробности. Она помолчала и добавила. – Кажется, я сказала вам все, что должна была сказать. До свидания.

Илона поднялась и вышла из зала. Дронго остался сидеть в своем кресле. Она вышла, мягко ступая.

– Еще чашечку чая? – спросил официант.

– Нет, – покачал головой Дронго. Он посмотрел на часы, расписался на счете и, поднявшись, пошел к выходу. Когда он вышел из зала, ему показалось, что на террасе за темными стеклами кто-то сидит. Он беспокойно обернулся. Взгляд неизвестного был направлен ему точно в затылок.

– Может быть, выйти и посмотреть, кто сидит на террасе? – вдруг подумал он. Или ему кажется, что там кто-то есть. Уже было достаточно поздно.

Дронго повернулся и пошел к лифту. Человек сидевший за его спиной, чуть шевельнулся. Если бы Дронго вышел на террасу, он бы увидел глаза убийцы. Дронго вошел в кабину лифта со смутным ощущением вины и ненависти, ударивший его в голову. Замысливший убийство уже заранее ненавидит не только того, кого он собирается убить, но и всех

остальных, словно виноватых в его преступлении. Убийца положил руки на столик. Дронго поднялся на третий этаж и вышел в коридор. Здесь никого не было. Он достал ключ и пошел к своему номеру. Убийца поднялся и вошел в холл. Один из охранников стоявших у отеля, увидел отражение фигуры с глубине холла. Отсюда невозможно было увидеть, кто там проходил – мужчина или женщина. Но охранник не стал приглядываться. Здесь много лет ничего не случилось. В Алворе даже пропажа курицы была чрезвычайным событием. И, зевнув, охранник пошел дальше.

Глава четвертая

Спускаться к утреннему завтраку он не любил. Среди его постоянных привычек было неприятие плотных завтраков по утрам. Обычно он ограничивался чашкой чая с небольшим бисквитом или сухим шотландским печеньем. Приняв душ и тщательно побрившись, он спустился вниз к одиннадцати часам, когда многие гости уже выходили после завтрака. Дронго обратил внимание, что на лужайке перед двумя открытыми автомобилями уже собираются игроки в гольф. Погода была ясная, сухая, и любители этой аристократической игры собирались продолжить вчерашнюю игру. Среди мужчин стоявших на лужайке он разглядел Мануэля Сильву, хозяина отеля, Джеймса Фармера, невозмутимого и внешне холодного, адвоката Карнейро. Его удивило присутствие на лужайке Сарычева и Мурашенкова. Очевидно, русские гости решили присоединиться сегодня к игравшим вчера игрокам.

Дронго вышел на террасу и попросил официанта принести ему чашку чая, наблюдая за игроками. Карнейро рассказывал какую-то смешную историю на английском, и все улыбались. Все, кроме Фармера.

Фармер несколько раз посмотрел в сторону отеля. И в этот момент из здания вышел пан Тадеуш Шокальский, одетый в серые мягкие брюки и темный пуловер. Очевидно, он тоже должен был принять участие в этой игре.

– Брюлей сказал вчера, что они должны провести свое совещание утром, – вспомнил Дронго, – наверно они собрались специально, чтобы обсудить свои вопросы за игрой в гольф. Или это игра будет только прелюдией к серьезному разговору?

Все шестеро мужчин прошли к автомобилям, разместившись в обоих машинах, которые тронулись в сторону зеленых полей. Дронго проводил их взглядом и услышал, как на террасу выходят Кэтрин Фармер и ее молодой супруг. Актриса была в темной длинной юбке, в серой блузке и в приталенном черном пиджаке.

– Так нельзя, Кэтрин, – успокаивал свою жену Энрико, – если мы сегодня уедем, это будет настоящий скандал. Твой дядя обидится. Он ведь позвонил вчера вечером и попросил тебя задержаться.

– Я не хочу оставаться с этой дрянью в отеле ни одной секунды, – в сердцах заявила Кэтрин, – она меня ненавидит. Сильвия заставит Джеймса переписать завещание, вот увидишь, что все этим и кончится.

– Не нужно так громко, – обернулся на Дронго Вилари, – успокойся и не нервничай. Скоро день рождения твоего дяди. У него никого нет, кроме тебя...

– Поэтому он позволяет своей жене меня оскорблять? – снова повысила голос Кэтрин.

– Мне тоже не нравится эта дрянь, – в сердцах заявил Энрико. – Ты знаешь, как больна моя мать, и я хотел бы быст-

рее вернуться в Италию. Но нужно потерпеть.

– Он перепишет все свои деньги на нее, – зло пообещала Кэтрин, – и я посмотрю, что ты тогда скажешь.

– Не кричи, – снова одернул ее муж, оглядываясь на «Дронго». Кэтрин обернулась и увидела наконец, кто сидит рядом с ними.

– Ах, это снова вы, – сказала она недобрым голосом, не слушавшим ничего хорошего, – вы опять оказались случайно рядом, мистер детектив.

– Вы детектив? – нахмурился Вилари.

– Нет, – ответил Дронго, – я всего лишь частный эксперт по вопросам преступности...

– Это одно и то же, – перебила его Кэтрин. Несмотря на утро, она выглядела достаточно ухоженной. Волосы были красиво уложены, глаза подведены. «Наверно она взяла с собой собственную визажистку», – подумал Дронго.

– Нет, – мягко возразил Дронго, – не совсем. И не нужно так нервничать. Я сидел на террасе еще до вашего прихода и не мог знать, что вы выйдете именно сюда.

От него не ускользнуло, что Вилари явно смутился? услышав о его профессии. Было очевидно, что ему неприятно узнать о прибытии в отель детектива или частного эксперта. После слов Дронго Кэтрин взглянула на мужа, затем снова на Дронго.

– Мы хотели уехать на побережье, а вышли сюда, – пробормотала она, – действительно глупо. Вы не могли знать,

что мы здесь появимся. Извините меня. Кажется, я так глупо сорвалась.

Одно из самых важных качеств умного человека умение признавать собственные ошибки. Но когда свою неправоту признает красивая женщина, такой жест ценнее вдвойне. Если вообще возможен. Когда извиняется такая известная актриса, как Кэтрин Фармер, это почти чудо. Ничто так не возвращает людей, как слава и деньги. Дронго оценил ее тактичность.

– Ничего, – сказал он, – все в порядке. Я всегда восхищался вашим мастерством, миссис Фармер.

– Мы поедем? – мрачно спросил Энрико. Он не скрывал своего негативного отношения к незнакомцу и не хотел даже разговаривать с ним, – мне еще нужно забрать наши куртки. Здесь бывает прохладно по вечерам.

– Поедем, – кивнула Кэтрин. Она посмотрела на Дронго и улыбнулась, словно извиняясь еще раз. Женщина оценила вовремя сказанный комплимент. Энрико ушел следом за женой, даже не попрощавшись. Дронго увидел как на террасу выходит, тяжело ступая, комиссар Брюлей.

– Куда отправились эти типы? – прохрипел Брюлей.

– Доброе утро, комиссар, – улыбнулся Дронго, – они уехали играть в гольф. Кажется, на дальней площадке. Если я понимаю что-то в этой игре, то постепенно они должны будут подходить к нам, чтобы завершить свое соперничество.

Комиссар посмотрел в сторону дальней площадки.

– И мне нужно туда тащиться, – презрительно спросил он, – или этот адвокат думает, что я буду бегать за ним с его клюшками, как это делают их помощники?

– Окна вашего балкона выходят на юг, – напомнил Дронго, – вы можете подняться наверх и следить оттуда за игрой.

– Надеюсь, они не перебьют друг друга, пока я выпью свой кофе, – пробормотал комиссар, – утром я проверил, как все разместились. Два больших сюита на втором этаже занимают Джеймс Фармер с супругой и его племянница с мужем. На втором этаже поселили и русских гостей в двух номерах, находящихся рядом друг с другом. На третьем этаже в двух сюитах живут хозяин отеля и этот адвокат. И еще поляки, номера которых находятся рядом с твоим номером. Забыл еще сказать, что около сюита Кэтрин Фармер живет ее визажистка. Ее зовут Луиза и она француженка. Мы уже успели мило побеседовать.

– Сколько ей лет?

– Лет пятьдесят. Я думаю, Кэтрин в столь опасном возрасте, что не захотела бы иметь рядом с собой молодую и красивую визажистку.

– Она даст сто очков вперед любой молодой красотке, – возразил Дронго.

– Ты думаешь? – с сомнением спросил Брюей.

– Уверен. Она потрясающе выглядит.

– Тебе виднее, – пробормотал комиссар, – иногда я думаю, что эту часть жизни я как-то пропустил. Ты знаешь ме-

ня никогда не интересовали молодые кокотки или стареющие актрисы. Я всегда занимался своим делом. Или, может, потому, что я знал слишком много о человеческой породе и о женщинах, с которыми сталкивался во время своих исследований. Хотя ты тоже много знаешь об этих женщинах, тем не менее они тебе нравятся. Или ты скажешь, что раньше было другое время?

– Время всегда другое, – ответил Дронго, – но я думаю, не поэтому. У вас была любимая работа и была цель. И была страна, которой вы служили по мере своих сил. А у меня всего этого нет. Вот в чем наша разница, мой дорогой Брюлей. У меня масса свободного времени, и я принадлежу только самому себе в отличие от вас. Вы всегда были на государственной службе.

– Ты жалуешься? – спросил комиссар.

– Не знаю. Иногда кажется, что да. Я не думал, что все кончится так глупо. Когда меня приглашали для сотрудничества в «Интерпол» или в комитет экспертов ООН, я отправлялся туда с гордостью, зная, что представляю в этих организациях свою страну. А теперь я предоставлен сам себе и не знаю, хорошо это или плохо. Во всяком случае, я немного завидую вам.

Брюлей молчал. Он достал трубку, оглянулся по сторонам, словно уточняя, можно ли курить на свежем воздухе. И начал набивать трубку табаком.

– Человек делает свое дело независимо от обстоя-

тельств, – задумчиво сказал он, – может, ты прав. На самом деле мне, конечно, было легче. Я был на службе у государства и действовал от его имени. За мной была вся административная машина Франции, все полицейские моей страны обязаны были мне помогать. А я не должен был никому нравиться и лишь должен был хорошо выполнять свою работу. У частного эксперта другая задача. Ты должен нравиться своим «клиентам», немного угождать им и действовать всегда в одиночку, не рассчитывая на помощь полиции. Я не очень тебя обидел этими словами?

– Не очень, – ответил Дронго, – вы сказали правду. Именно поэтому у меня есть время замечать красивых женщин. И мне не всегда нравится дело, которым я занимаюсь. Нужно встречаться иногда с мерзавцами, которым я не подал бы руки. Нужно выслушивать их сентенции, терпеливо ждать, когда они соизволят объяснить причину своего визита. И жить одному, без своей страны, потерянной во время моей жизни, и без той работы, которую я сам себе выбирал.

Он не успел договорить, когда неожиданно раздался громкий женский крик. Комиссар нахмурился. Женщина продолжала кричать. Дронго поднял голову. Прямо над ними на балкон второго этажа выбежала горничная, которая громко кричала и звала на помощь.

– Сокорру, – кричала она поднимая руки к небу.

На португальском это был крик о помощи. В холле забежали люди. Дронго вскочил со своего стула. Комиссар опро-

кинул набитую табаком трубку в пепельницу. И быстро поднялся.

– Вот и все, – сказал он, – кажется, из меня тоже не получился частный детектив. По-моему, мы с тобой проморгали убийство. Или что-то в этом роде.

Они поспешили в холл, где им встретился бледный от ужаса Жозе Монтейру.

– Там... там убийство, – говорил он, задыхаясь от ужаса. Несколько человек уже спешили к кабине лифта.

– Пропустите, – громко приказал комиссар, и все почти-тельно расступились, уступая место Брюлею и его спутнику. Дронго и комиссар вошли в кабину лифта, поднимаясь на второй этаж. Там уже толпились испуганные горничные. У входа стояла женщина с растрепанными волосами. Она была в халате отеля. Указывая на вход вスイート, женщина, задыхаясь, произнесла несколько слов по-французски. Комиссар кивнул, входя в номер. Дронго поспешил за ним. Стоявшая на балконе горничная плакала. На кровати лежала женщина. Она лежала, уткнувшись лицом в постель, и вокруг тела расплывалось большое красное пятно. Комиссар подошел ближе и посмотрел на тело убитой, не дотрагиваясь до него.

– В нее стреляли, – сказал он, наклоняясь к убитой.

– Не может быть, – тихо произнес Дронго, всматриваясь в простыню, впитывающую кровь, – я сидел внизу, почти под самым номером. Если бы в нее выстрелили, я бы наверняка услышал.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, кто именно лежал на постели. Не было никаких сомнений, что убийца выстрелил в супругу мистера Фармера Сильвию.

– Дева Мария, – шептала потрясенная горничная, – у сеньор подэ ажудар мэ?

– Что она говорит? – спросил Брюлей.

– Просит о помощи, – пояснил Дронго, – она думает, что ее могут обвинить в этом преступлении.

– Скажи, чтобы она позвала врача, – приказал комиссар, – и узнай, где находится полицейский участок. Ты говоришь по-португальски?

– Нет, – ответил Дронго, – но я хорошо знаю итальянский, а они похожи с испанским и португальским. Хотя португальский похож гораздо меньше. Сейчас попробую.

– Шамэ у медику, – попросил он горничную, чтобы она вызвала Врача, и спросил. – Ондэ фика а ишку адра пули-сьял?

Он уточнил где находится полицейский участок и женщина сразу ответила.

– Алвор, – пояснила она.

– Что вам нужно? – услышали они за спиной. Дронго обернулся. На пороге стоял высокий худой мужчина в элегантном сером костюме. Из нагрудного кармана пиджака торчал кончик темно-синего платка в тон галстуку. У него дергался от волнения левый глаз. Редкие седые волосы, худое лицо с глубокими морщинами. Но его английский был

безупречен.

– Хосе да Кунья, – представился вошедший, – менеджер отеля.

– У вас произошло убийство, – сказал Дронго.

– Я вижу, – мрачно ответил менеджер, – что вы здесь делаете? Кто вы такие?

– Я комиссар Дезире Брюлей, – сообщил Брюлей, – а этой мой друг и напарник, сеньор Дронго, – он сказал по-французски, но да Кунья его понял. Менеджер в отелях такого уровня, как правило, хорошо знали несколько европейских языков.

– Простите, комиссар, но я думаю, будет лучше, если мы дождемся полиции и ничего не будем трогать, – предложил да Кунья.

– Разумеется, – согласился Брюлей, переходя на английский, чтобы их понял и Дронго, – только спросите у вашей горничной, что она видела и слышала?

Менеджер спросил у несчастной пожилой женщины, что она увидела. Женщина сбивчиво рассказала.

– Она говорит, что ничего не видела и не слышала. Сначала она постучала, затем вошла в номер. Посмотрела ванную комнату и прошла в спальню, где увидела убитую женщину. И она сразу выбежала на балкон и закричала.

– Она давно убирала в коридоре? – уточнил комиссар.

Менеджер перевел и услышал ответ.

– Уже полтора часа, – пояснил он, – она убирает на тре-

тьем этаже в этой части отеля.

– Она ничего не видела и не слышала. Может, она видела, как сюда кто-то входил? Да Кунья перевел и удивленно поднял бровь. Дронго разобрал, что именно сказала горничная, но он терпеливо ждал, пока менеджер переведет ее слова на английский язык.

– Она видела, как отсюда выходила немолодая женщина из другого номера. Женщина была в белом халате отеля. Она приехала с племянницей мистера Фармера. Это ее визажистка.

– Ясно, – нахмурился Брюлей, искоса поглядев на Дронго. Тот пожал плечами. Ситуация становилась еще более запутанной.

– Пропустите, – раздался крик из коридора, – пропустите нас.

В номер вошли Джеймс Фармер и еще несколько мужчин, находившихся с ним на поле для игры в гольф. Хозяин отеля Манэуль Сильва, задыхаясь, смотрел на убитую. Адвокат Карнейро посмотрел на лежавшую женщину и перевел взгляд на Брюлея покачивая головой, словно комиссар должен был обеспечить безопасность несчастной женщины. Мурашенков взглянув на убитую и отвернулся. А пан Шокальский тяжело вздохнул и прошептал какую-то католическую молитву.

И только Фармер молчал. Он словно окаменел, глядя на свою убитую супругу. Подобная сцена может остаться в па-

мяти на всю жизнь, отравляя существование человека даже в его снах. Фармер сжал тонкие губы. Сделал несколько шагов и остановился перед кроватью. Он не кричал, не плакал, не прикасался к телу убитой. Он молчал и смотрел на труп Сильвии.

– Извините меня, – нарушал гнетущее молчание комиссар, – я думаю, будет лучше, если мы все отсюда выйдем и подождем приезда полиции.

Он посмотрел на Фармера, ожидая, когда тот выйдет. Но Джеймс Фармер был сильным человеком. Или безразличным. Он снова посмотрел на труп жены и взглянул в глаза Брюлею.

– Кто? – спросил он. Кажется, это было главное, что его интересовало.

– Не знаю, – ответил Брюлей, – мы пришли, когда все было кончено.

Фармер еще несколько секунд смотрел ему в глаза, затем повернулся и вышел из комнаты. Все остальные мужчины тихо вышли за ним. Брюлей взглянул на Дронго.

– Теперь я буду твоим напарником, – тяжело сказал он, – и нам предстоит найти убийцу. Если, конечно, она не самоубийца. Но здесь нет оружия. Я его не вижу. И я еще не видел ни одного самоубийцу, который падал бы лицом в постель, после того как выстрелил себе в сердце.

– Я думаю, нам нужно начать с этой визажистки, – напомнил Дронго, – если в полиции узнают, что она сюда входила,

несчастную сразу арестуют. Всем были известны натянутые отношения между Сильвией и племянницей ее мужа.

– Нам нужно поговорить с ней до того, как сюда приедет полиция, – согласился Брюлей, – пойдем, Дронго. Мы с тобой оказались не готовы в такому развитию ситуации.

Глава пятая

Они вышли в коридор где толпилось много людей. Комиссар поманил к себе визажистку и что-то тихо прошептал. Она посмотрела на него и медленно кивнула в знак согласия.

– Ты не будешь возражать, если я поговорю без свидетелей, – спросил комиссар?

– Конечно, нет, – ответил Дронго, – я думаю, так будет лучше. Мне неудобно вам напоминать, но у нее достаточно сложное положение. Ведь она была визажисткой Кэтрин, а все слышали, как спорили Кэтрин и погибшая Сильвия.

– Я с ней поговорю, – пообещал комиссар, – только не нужно сразу делать выводы. Это несчастная женщина и без того напугана случившимся. Она говорит мне, что очень боится. Кстати, узнай, не вернулись ли в отель Кэтрин и ее супруг. Она, кажется, выехали из отеля совсем недавно.

– Да, – согласился Дронго, – они отошли от меня за несколько секунд до вашего появления.

– Вот поэтому и узнай, – попросил Брюлей.

Дронго прошел по коридору. Остановился рядом с Мурашковым и Сарычевым.

– Какое несчастье, – осторожно сказал Сарычев, – кто мог подумать, что она застрелится.

– Почему вы так думаете? – поинтересовался Дронго.

– Ее же не могли убить, – испугался Сарычев глядя на

молчавшего Мурашенкова, – или вы думаете иначе?

– Мне кажется, ее застрелили, – признался Дронго.

– Что? – еще больше испугался и удивился Сарычев, – что вы такое говорите? Кто мог ее убить? Отель охраняется, вокруг полно людей.

– Подождите, – требовательно приказал Мурашенков, взглянув на Дронго, – вы считаете, что это убийство?

– Мне кажется, что безусловно. Иначе нужно допустить, что она выстрелила себе в сердце, затем спрятала куда-то пистолет и упала на постель, чтобы эффектно умереть.

– Ценю ваш юмор в такой ситуации, – хмуро парировал Мурашенков, – кто мог это сделать?

– Если бы я видел, я бы обязательно сообщил об этом ее мужу.

– Кто ее нашел?

– Горничная. Она закричала, а я как раз в это время сидел под балконом, на террасе.

– Верно, – Мурашенков оглянулся на толпу, стоявшую у дверей сюита, который занимали Фармеры, – давайте отойдем, – предложил он.

Втроем они спустились в холл первого этажа, проходя к нескольким креслам, расположенным перед стойкой портье.

– Садитесь, – показал Мурашенков. Было заметно, что он привык отдавать распоряжения.

Дронго подошел к портье. Вместо Жозе за стойкой стояла молодая женщина.

– Сеньора Кэтрин Фармер еще не вернулась? – спросил он.

– Нет, – испуганно ответила женщина, – они уехали вместе с сеньором Вилари.

Дронго повернулся и прошел к стоявшим в холле креслам, где уже расположились Мурашенков и Сарычев. Первый снял очки и протер стекла. Затем обратился к Дронго.

– Мы ушли вшестером примерно в одиннадцать часов утра. Если исключить сотрудников отеля, горничных, служащих, обычных гостей и охранников, то из людей, знавших Фармера и его жену, в здании отеля оставалось несколько человек. Ваш знакомый мсье Брюлей, польская спутница пана Шокальского, Кэтрин Фармер со своим мужем и их визажистка. Значит, у нас только пятеро подозреваемых, если не считать вас, господин Дронго.

Этому человеку нельзя было отказать в логике. Но Дронго улыбнулся и покачал головой.

– Нет, – сказал он, – не совсем так, как вы полагаете. Вы правильно решили насчет сотрудников, работающих в отеле. Вряд ли мы можем подозревать кого-нибудь из них. Здесь работают в основном выходцы из небольшого Алвора, а там все знают друг друга. И многие горничные находятся в родственных отношениях или знают семьи друг друга. Но есть другое не менее важное обстоятельство, которое вы не учли. Дело в том, что я сидел под балконом и мог услышать выстрел, если бы убийца выстрелил, после того как я появился на тер-

расе. Но я ничего не слышал. Учитывая, что здесь достаточно влажная и теплая погода, характерная для южного побережья Алгарве, можно предположить, что убийство было совершено примерно час назад. Тело еще не успело остыть, а кровь впитаться в постель. И тогда получается, что в ваших расчетах есть одно неучтенное обстоятельство.

– Какое? – быстро спросил Мурашенков.

– Вы шестером вышли на лужайку перед зданием отеля, чтобы отправиться для игры в гольф. Все видели, как вы собираетесь вместе. Это было бы великолепным алиби для каждого из вас. Один из вас мог войти в номер к Джеймсу Фармеру, выстрелить в его жену и затем спокойно спуститься вниз, чтобы обеспечить себе алиби. Конечно, там было пятеро подозреваемых, если не считать вас, господин Мурашенков, – вернул слова своего визави Дронго.

Арсений Викторович замолчал. Затем негромко сказал:

– А вы злопамятны.

– Нет. Я обязан рассмотреть все варианты. И тогда выходит, что у нас не пятеро подозреваемых, а двенадцать. Две команды по шесть человек. И среди двенадцати человек может оказаться конкретный убийца, который выстрелил в Сильвию Фармер. Хотя одного человека я бы наверняка исключил?

– Себя? – иронично осведомился Мурашенков.

– Нет, – Дронго не стал подыгрывать своему собеседнику, – бывшего комиссара французской полиции мсье Дезире

Брюлея. Я скорее поверю, что сам застрелил эту женщину, чем стану подозревать этого человека.

– Хорошо, – подумав, согласился Мурашенко, – вы и он не знали Фармера до приезда сюда. Будем считать, что у вас не было никаких мотивов. Хотя вас могли нанять для убийства. Но предположим... Тогда остается восемь человек. Я исключаю польскую спутницу пана Шокальского и визажистку Кэтрин Фармер.

– Я бы не стал их исключать, – неожиданно сказал Дронго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.